

Виктор ЕРОФЕЕВ:

В ДЕДА МОРОЗА Я ВЕРИЛ БОЛЬШЕ, ЧЕМ В СТАЛИНА

Виктора Ерофеева называют у нас самым скандальным писателем. Однако по-настоящему он был инициатором лишь одного политически окрашенного скандала, случившегося в 1979 году. Тогда на Западе был издан не пропущенный у нас партидеологической цензурой литературный альманах "Метрополь", вдохновителем которого был как раз Ерофеев. Все остальные скандалы — чисто литературные. Как только выходит новая книга писателя, так у нее тут же появляются и пылкие поклонники, и яростные порнители...

— Все эти скандалы, если их суммировать, больше выдуманы аудиторией и критиками. Я просто пишу то, что мне интересно. И если книга вызывает шум, то это уже — дело публики. А вовсе не значит, что я сижу и соображаю, как выдумать еще один литературный скандал. Писатель всегда подпитывается извне. Он, скорее, медиум, который должен хорошо слышать и понимать то, что, может быть, не улавливают другие.

Удивительная вещь. Мой роман "Русская красавица", который переведен на 27 языков и стал одной из самых известных книг десятилетия, в общем сложен для понимания, если вчитываться серьезно. Потому что эта книга — вызов роману как жанру, вызов проблеме характера, времени и места в литературе. То есть совершенно некоммерческая вещь, а вызвала огромный коммерческий успех.

— Некоторые писатели, да и читатели считают, что ваша популярность выросла в том числе и на избыточно откровенном внимании к сексу, на использованием ненормативной лексики. Мат — это необходимая составляющая вашего литературного языка?

— Писатель — он как художник. У него есть своя палитра, и в ней, кроме обычных, есть какие-то пронзительные цвета, которые кричат. Русский мат — тот самый цвет, который я использую в отличие от большинства наших писателей. А в жизни я практически не бранюсь, кроме уж совершенно экстремальных ситуаций, когда каждый русский выругается. Вообще считаю, что использовать мат как бытовую ругань — вульгарно, особенно если это даже не брань, а так, междометие. Мат энергетически очень сильное слово, оно не проработано, к нему, так же, как и к описанию секса, надо относиться очень осторожно, иначе можно легко попасться...

— А где, по-вашему, следует остановиться, чтобы не впасть в пошлость?

— Здесь критерий один, всем известный — чувство меры, вкус. Можно ведь очень далеко пойти. В своем романе "Страшный суд" я ушел очень далеко, и, наверное, детям и подросткам читать его не рекомендуется. Но не думаю, что это вопрос пошлости. Вообще понятие пошлости не связано с понятием ненормативной лексики, изображением секса... Пошлость возникает тогда, когда человек живет в системе стереотипов, которые объявляет как истину в последней инстанции. Он будет вести пошлые разговоры в баре, потому что там стереотип на "мужские" разговоры. А в абортари бабы будут вести пошлые разговоры о том, как, кто кому изменяет, с описанием всех сексуальных подробностей. И таких людей огромное количество, в том числе среди писателей и журналистов. Например...

— ...журналист задает политику или госдеятелю вопрос типа "где вы черпаете силы?"

— Верно, это образец журналистской пошлости. Или когда писатель говорит: "Я вчера так славно потрудились! Я написал характер одного из моих персонажей, и, по-моему, он так соответствует жизни". Вот это — настоящая писательская пошлость.

— В своей книге "Мужчины" вы ничего хорошего о русском мужчине не пишете — и жить в сегодняшнем дне он не научился, и стиля у него нет, и характера. А каким вообще должен быть национальный характер?

— Думаю, каким он вырабатывается, такой и определится Россия XXI века. А пока что этот характер «гуляет» в разные стороны. Мы живем в обществе с открытыми дверями в будущее. Страна может шагнуть и в очень приличное будущее, достойное и цивилизованное. А можем закатиться в царство придурков и опять вернуться в положение полубабов. Дверь открыта. Хотя, видимо, после 1996 года возврат в то общество, в котором мы жили 70 лет, уже невозможно. Тем не менее нас еще поджидают, по крайней мере на уровне политики, страшные уклоны национализма, шовинизма, ксенофобии и прочей ерунды, которая уже изжита в ци-

вильзованных странах. Нас поджидает еще неуверенность в том, кто мы: Восток или Запад? Наши просвещенные либералы, которые объявляют Россию частью Европы, глубоко заблуждаются. Достаточно поехать по миру, чтобы понять: в нас нет никакой европейской ментальности. Но это не значит, что следует впадать в азиатчину. Нам надо найти свою ментальность.

— Каким же образом?

— Она вырабатывается в привычках среднего класса — в том, как они проводят выходные, что едят на завтрак, какую обувь предпочитают носить зимой и т.д.

— Вы надеетесь, что это сделают сегодняшние «новые русские»?

— Нет, это уродство уйдет. Да они уже и за девятые годы поменялись. Нарождается настоящий средний класс, и он очень активен. Посмотрите на дома в Подмоскowie. Строят и в калифорнийском, и в немецком, и во французском стиле. И все — с башенками. Эта идея башенки как символ зарождения своего мужского начала — некое сращивание каски с фаллосом. У нас нет своего стиля, мы все носим с чужого плеча. Но когда-то же он должен выработаться. Очень жаль, кстати, что нашу традиционную избу — удивительно красивое сооружение — среди новостроек не встретишь. Потому что мы такие люди: сидим в своей стране и ничего не видим.

— Но все больше заглядываемся на Запад. А он в последнее время, похоже, теряет к нам всякий интерес.

— Сейчас нас воспринимают как нацию, сильно склонную к бесечью. Мы врем, мы необязательные люди, мы просто беспредельщики. Знаете, какая разница между нами и Европой? Там люди говорят: так нельзя, вот предел — и все, настаивать бессмысленно. У нас же, когда говорят «нельзя», это значит — технически невозможно, а в принципе у нас можно все. Нет морального хребта, и человек прогибается до бесконечности. Его можно довести до самого предела, до низости по отношению, скажем, к детям, к маменькишINSTVAM, что вообще с цивилизацией несовместимо. И поэтому Европа сегодня смотрит на нас со страхом, отшатнулась от нас. Запад дал нам огромный кредит доверия, а мы его не оправдали.

— Мы — это страна, интеллигенция или писатели?

— Писатели вообще все проиграла. Либеральные писатели благородно бросили все силы на освобождение, но когда появились первые ростки свободы, они не знали, что с ней делать. Многие затосковали по цензуре, иные и сейчас твердят, что уничтожены все моральные ценности. Но моральные ценности должны создаваться самим писателем, а не цензурой.

Интеллигенция тоже, к сожалению, оказалась несостоятельной во многом. Я говорю о «сливках» нашей интеллигенции. Они прокисли, потому что все их мысли ушли на борьбу с прошлым. Ничего не осталось. И получилось, что страна выехала на каких-то странных вещах.

— А именно?

— Например, на нашем президенте. Нет, у меня к нему очень сложное отношение. Помните, в "Мужчинах" — кто у нас главный козел? Но дело в том, что в России точкой отсчета служит не то, что есть хорошо, а то, что не самое страшное. Конечно, если говорить с позиции высоких нравственных ценностей, то мы просто лежим в накауте, и вообще наша страна представляет собой чудовище. Но если сравнивать с тем, откуда мы вышли, то путь проделан огромный, мы чему-то научились и как-то держимся на поверхности. Можно ли было сделать лучше? Наверняка. И в этом смысле и Горбачев оказался не подготовленным к правлению, и Ельцин. Ну а кто был готов? Трудно руководить страной, когда не знаешь, что она собой представляет.

— Может, действительно прав поэт — «лицом к лицу лица не увидать?». Мы же долгие годы были заперты за железным занавесом.

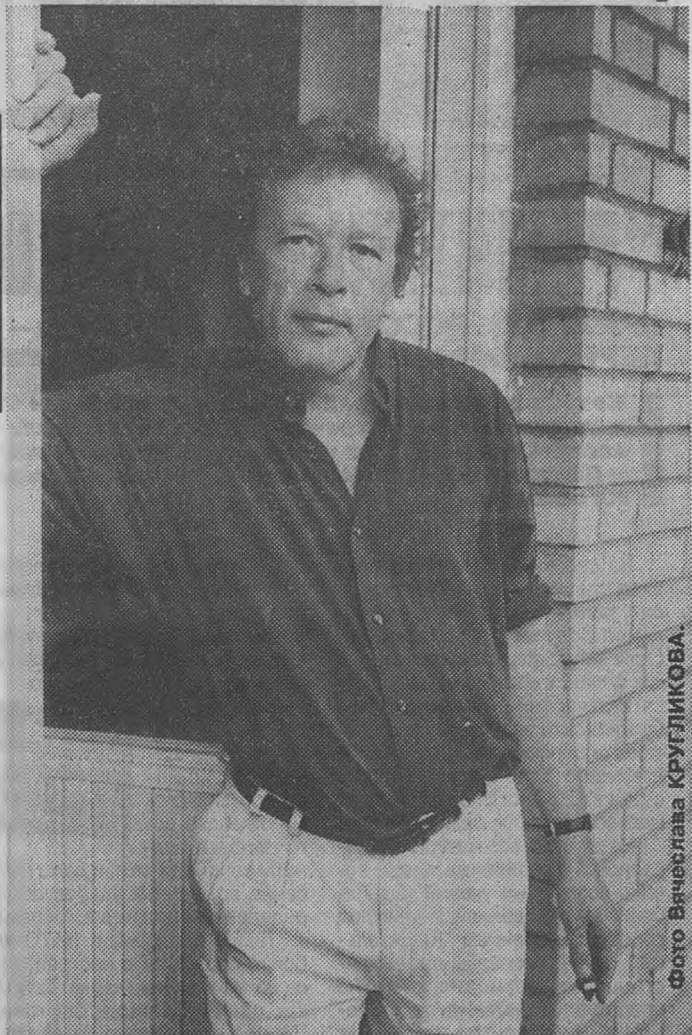

Фото Вячеслава Кругликова.

— Вот почему я и поехал-то по рекам мира. Мне нужно было съездить и в Америку, и в Европу, и в Индию, и в Африку, чтобы понять, кто мы и куда идем. Потому что когда мы были заперты, то считали, что либо наше государство лучше, на свете, либо мы страдаем больше всех. Насчет государства иллюзий уже не осталось. Но оказалось, что и страдают больше нас, а при этом не такие хамы и ведут себя достойно. Я видел это в Индии, в черной Африке. В своей новой книжке "Пять рек жизни", которая выходит на днях, я попытался разорвать границы наших стереотипов. Нам сегодня как воздух нужен диалог с различными культурами, чтобы преодолеть наш вольный или невольный провинциализм и заскорузлость.

— Какая из пяти рек самая красивая?

— Ганг. В Гималаях. У него вода, как я пишу, цвета таланта, божественного начала в человеке, в мире. Зелено-голубоватая, необыкновенной чистоты и благородства. А самая экзотическая река — Нигер. Там потрясающая культура Догон — одна из самых великих культур мира, о которой у нас никто не знает. Они создали мифологию, легенды, не слабее древних греков, не слабее Библии...

— Вас еще не упрекают «критики румяные» в том, что вместо того, чтобы изучать Россию, писать о ней, вы влюбляетесь в Индию, в Догон?

— Между прочим, первая моя поездка и первая глава в этой книге — Волга. И Россия — страна, которая меня по жизни накрепко к себе привязала. Прежде всего языком. Я думаю, что русский язык — самое главное наше культурное богатство. В нем такая сила шаманизма — и многозначности, и многослойности, и многоскладности, что ни один другой язык не может с ним сравниться. Вообще, Россия — рай для писателя, здесь есть все.

— Почему же тогда российская литература, по единодушному мнению критиков, в кризисе и ничего значительного в последнее время не родила?

— Критики сами хороши. Наше несчастье — это критики.

— Понимаю, вас они не жалуют. Но вы же тоже были критиком!

— Поэтом отлично вижу, что делают мои коллеги. Наша критика вместо того, чтобы помогать писателям, выстраивает их в шеренги, комплекует в обоймы, сортирует и т.д. Словом, претендует на судебную власть в литературе. И умирает не литература, а то представление о ней, которое навязывают наши писатели. Они так опустили энергетику литературы, что она стала скучна. А читатель наш, закаленный за последние годы, знает о жизни гораздо больше, чем писатель, и ему не интересны эти длинные, вялые откровения. Потому нас и забавлял вся эта «попса», литература мусора.

— В "Мужчинах" вы, кажется, нашли эту энергию. А куда текут "Пять рек жизни"?

— Эта книга — не описание путе-

шествий, а скорее, отношения к Богу. Мы все, во всех культурах, считаем, что наш Бог — православный, католический или буддистский — самый главный. Но на самом деле, все эти образы — маски Бога. Бог един. Я думаю, что в XXI столетии мы придем к другому представлению о Боге. И это будет первая революция нового века...

— Вернемся к вашему "Мужчинам". Там у вас есть глава о детстве, о семье, она заканчивается, кажется, словами о том, что вы политически убили своего отца. Это было связано с "Метрополем", так?

— Да, в 1979 году отца из-за меня выгнали с работы. Он тогда был послом СССР при международных организациях в Вене, и было ему всего 59 лет. Его отозвали оттуда и здесь давили со всех сторон, чтобы он добился от меня показного письма. Отца вызывали в КГБ, в Политбюро, в Союз писателей... Прорабатывали, естественно, в МИДе и даже предложили отказаться от меня, как от сына. Напомню, это был не 37-й, а 1979 год.

Ну да, я был инициатором "Метрополя", но я не представлял, что на это литературное явление власть пойдет просто в штаны. Конечно, я понимал, что разразится скандал, даже думал, что меня выгонят из Союза писателей. Но чтобы взялись за отца? Я не предполагал, что дело примет такой размах.

...Как-то отец пришел из ЦК, от Зимянина — приятеля своего, между прочим. Сели ужинать, и он мне вдруг говорит: "Знаешь, в нашей семье уже есть один политический труп, это я. Но если ты напишешь это письмо, у нас будет два трупа". Представляете, это он, "сталинский сокол" и советский чиновник высшего класса... Он как бы развязал мне руки, а сам рухнул. Его не только отозвали из Вены, вообще выгнали с работы. Семья переживала настоящую драму.

И тогда я написал письмо Брежневу. Только не покаянное, а прямо скажем, шантажное, в котором дал понять, что если отца не восстановят на работе в Москве, то я с собой покончу.

— Простите, вы были готовы пойти и на такой шаг?

— Ну а как вы представляете себе жизнь после такой жуткой угрозы? Это было самурайское решение... А потом позвонил Громыко, и отца вернули в МИД. Дали секретаря, зарплату и... никакой работы. А первое, что попросили, — не встречаться с иностранцами. Это после СССР! При том еще, что у меня жена иностранка, поляка. Отец вел себя героически, и если бы не он, я бы, наверное, тогда не выбрался.

Потом меня восемь лет нигде не печатали, выгнали из Института мировой литературы...

— А друзья? Они познаются в беде?

— Это неправильная пословица. Друзья в беде хороши. А вот когда успех приходит, тогда-то друзей и начинают ломать.

— Зависть?

— Может, я еще напишу об этом.

Беседу вела
Ольга СОЛОМОНОВА.